

Майя Дороженко

THE WALL OF LOVE/ BERLINERMAUER.

Пьеса задумана как реквием.

Плач о любви и войне.

Ты можешь говорить лишь тогда, когда тебя уже нет.

Пьеса вдохновлена историей Эйи Рииты Берлинер-Мауэр.

Эйя-Риитта родилась в Швеции в 1954 году, и с детства она была очарована конструкциями с параллельными линиями, такими как железнодорожные пути, мосты, заборы и так далее.

Когда ей было 7 лет, она увидела любовь всей своей жизни по телевизору. Это была Берлинская стена, или, как она сказала, "самая сексуальная стена, когда-либо существовавшая". Эйя-Риитта начала копить деньги на посещение Берлина, и после многочисленных визитов и перед несколькими гостями она фактически вышла замуж за Стену на скромной церемонии в 1979 году. Затем она взяла имя Eija-Riitta Berliner-Mauer.

Пьесу может исполнять любое количество женщин. Один голос всегда должен выделяться, остальные же - лишь хор. Они могут пропевать слова, вторить им.

I. Молчание. Тайна.

ОНА

Сейчас с вами говорю не я

Это говорит часть меня, живущая в Берлинской стене.

Точнее в том, что от нее осталось.

Остались лишь останки.

С вами говорит лишь часть меня

В останках Берлинской стены.

В останках моей любви.

Я могу говорить.

У меня есть гортань, голосовые складки, язык, мягкое и твёрдое нёбо, зубы верхней и нижней челюсти, губы, носоглотка и резонаторные полости.

И я могу говорить.

И я могу, могу, могу. Мо...мо...мо...
Молчание
Но во мне лишь молчание.
Молчание, подобное молчанию стены.
Стена говорила сотнями рисунков, картин, слов, букв на ней.
Она говорила болью людей вокруг.
Болью тех, кого она разделяла.
Делила надвое.
Я могу лишь молчать. Молчать навсегда.
Молчать с самого рождения.
“Говорите. Это свободная страна”.
Что значат эти слова? Эти буквы и звуки?
Сво-бо-да.
С-В-О-Б-О-Д-А?
Что значит это?
А свободная страна? Я не понимаю этих слов.
Не понимаю.
Почему я не понимаю? Я вижу их?
Вижу ли я свободные страны?
А если и вижу, могу ли я говорить?
Я могу молчать. Точно. Я могу молчать. Я должна молчать.
Мне так говорили с рождения.
С самого первого крика.
Тише-тише.
Не кричи.
Нельзя кричать.
Тише - тише.
Будто бы мы умерли, будто бы нас уже не существует.
Умерли с самого момента рождения. Во всех свободных странах.
Где мы священнообязаны молчать.
Склоним голову и помолчим все вместе.
О наших судьбах. О нашей общей судьбе.
Пока еще мы видим этот свет.
Минута молчания.
Две минуты молчания.
Три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, ноль.
И опять, и вновь.
И опять, и вновь.
И опять, и вновь я думаю о Берлинской стене.
В этом великом всеобщем молчании/крике.
Раньше,
Когда у человека появлялась тайна, он находил подходящее дерево,

Делал в нем отверстие и шепотом ведал тайну.
Ведал тайну лишь дереву. А после закрывал свою тайну в дереве.
И она навсегда была лишь там.
И сейчас я мысленно нахожу одно из миллионов отверстий от жестоких пуль,
В тебе, Берлинская стена.
Я нахожу одно и говорю туда.
Я впервые могу говорить,
Могу говорить. Могу рассказать все тайны этого мира.
Если еще есть такое слово. Мир.
Я могу говорить и рассказывать тайны.
Но пуля когда-то давно прошла сквозь бетон.
Насквозь прорезала его.
И теперь этот голос будет услышан.
Он уже услышан.
Я говорю, сквозь отверстие от пули в бетоне Берлинской стены.
Отверстие от пули.
В бетоне.
Берлинской стены.
А, когда я замолкну, я заткну эту дыру в стене,
В себе, в стене, в себе, в стене.
Заткну тем, что еще останется от меня.
А кто-то другой, кто услышит меня, закроет дыру в стене,
В себе, в стене, в себе, в стене
Тем, что еще останется от него.
И так будет заключена тайна.
Так будет заключена тайна.
Будет заключена тайна.
Заклучена тайна.
Заклучена.

II. Параллели.

ОНА

Я заключаю тебя в объятья.
Жестоко ли это?
Я заключаю с тобой брак.
Жестоко ли это?
Я заключаю тебя в одноместную камеру.
Жестоко ли это?

Вокруг города, состоящие из стали,
Из прямых жестких линий.
Все города состоят из линий.
Мы в потоке железа, стали, линий, холода, ужаса.
Думая о жизни, мы говорим о линии.
Линия жизни.
А параллельно линии жизни идёт линия смерти.
Они всегда рядом.
Параллели.
Наша смерть всегда рядом, она идет рядом.
Отражается в стеклянных витринах, она тихая.
Она такая же тихая, как мы.
Тихая смерть, что всегда движется в параллель.
Или это всего лишь жизнь движется в параллель смерти?
Почему-то вокруг решено, что жизнь первична.
Гранична.
Холод и цинковые гробы.
Думая о холоде, я думаю о цинковых гробах.
Наши близкие лежали/лежат в них. Где-то рядом с нами в холоде.
Я заключаю тебя в объятия. Жестоко ли это? Ответь мне.
Эти линии, жестокие конструкции,
Твёрдые, грубые, глубокие
Они всегда рядом
Всегда рядом с нами в этих городах, где мы родились
И у меня нет выбора.
И у меня нет выбора?
Я люблю эти линии.
Я обязана их любить, ведь они всегда рядом.
Они всегда рядом.
“Я твой поезд, я отвезу тебя домой, ведь я всегда рядом.”
“Я твой мост, я поддержу тебя на твоём пути на работу, ведь я всегда рядом.”
“Я твоя атомная электростанция, и я обеспечу тебя теплом, которого у тебя нет,
не было и никогда не будет, ведь я всегда рядом.
А, если надо, то мой реактор взорвется, и я уничтожу себя и все вокруг, лишь бы
мы были рядом. Клянусь любить тебя в горе, в горе, в бесконечном горе и даже
смерть не разлучит нас. Я заключаю с тобой брак. Жестоко ли это?”
И даже смерть не разлучит нас.
Смерть от атомного взрыва.
Моя любовь, моя Берлинская стена, сохрани мою тень как в Хиросиме
После первых секунд атомного взрыва.
Сохрани мою тень как сохраняли стены тени тех, кто мгновенно исчез.
Я бы хотела умереть от атомного взрыва.

От атомного взрыва рядом с тобой.
Я бы навсегда осталась лишь тенью на тебе.
А ты бы была тенью меня, моя любовь.
Я была бы заключена в тебя. Заключена, как в одноместную камеру.
А вдруг жизнь - это лишь заключение в одноместную камеру.
В ожидании смерти.
“Да нет, да нет. Не может быть. Не может быть.”
Может.
Все может быть.
Я говорю это в пулевое отверстие в бетоне.
В бетоне Берлинской стены.
Мне было 7, когда я увидела тебя.
Или увидела тебя вовсе не я.
Или увидела я, но говорю это все уже не я?
Мне было 7.
Я видела твое рождение.
Я видела твою смерть.
Я видела твою смерть.
Я видела твое рождение.

III. Любовь. Кровь.

ОНА

В детстве мы смотрим мультики.
Мы смотрим счастливые мультики.
Лишь бы в них не было жестокости. Ни-ни.
Ни капельки. Не нужно.
Еще успеется. Еще успеет увидеть, осознать и научиться этой жестокости.
А пока “Смотри, смотри, какой милый зайчик, он улыбается тебе. Да, он улыбается только тебе”.
Сначала нужно научиться радоваться и улыбаться.
Улыбаться милому зайчику, обедая детским питанием со вкусом крольчатины.
Улыбаться и радоваться. Радоваться и улыбаться.
Урывками впитывая в себя ужасы ужасы ужасы.
“А пока беги, поиграй на улице в песочнице, построй там себе зАмков”.
А уже потом будет что-то такое, вроде:
106 километров бетонного ограждения.
66,5 километров ограждения из металлической сетки.
127,5 километров сигнального ограждения под электрическим напряжением.

105,5 километров земляных рвов.

302 сторожевых вышек и других пограничных сооружений.

Такому можно научиться, играя в куличики, строя замки?

Смотря на зайчиков в мультиках.

Те, кто были детьми. Кто и остался детьми.

Маленькими и радостными, маленькими и грустными.

Детьми.

Детьми, которые с детства видят линии, линии, линии.

Бесконечные и конечные. Линии.

В 7 лет я увидела эту бесконечную линию.

В 7 лет я полюбила эту бесконечно-одинокую, молчаливую линию.

Не смеющую сказать ни слова.

Но люди злятся. "Ведь как я смею? Ведь я не смею."

Они злятся на мою любовь

"Это ненормально, не нормально, неправильное нормально".

Я люблю, как думают люди, холодный, объект, который без конца делал и делал и делал другим людям больно.

Так чем это отличается от любви людей?

Так чем это отличается от твоей, твоей и твоей любви? Чем?

Ведь и ты, и ты, и ты когда-нибудь любили ВАШ ОБЪЕКТ ЛЮБВИ, делающий больно другим, пышущий бетонностью стены.

Говорили: ты холоден, как стена. Я бьюсь об тебя, как об стену

НО ВЕДЬ ЛЮБИЛИ? Вы же любили?

Тогда где она? Где она, эта разница?

Любовь к человеку.

Любовь к государству.

Патриотизм, как высшая форма бессознательной любви.

Почему это не странно? Почему это не страшно?

Почему молчаливо любить такую же молчаливую Берлинскую стену странно и страшно?

А вдруг она вовсе не молчала? Никогда не молчала.

Никогда не молчала, а тихо кричала, как может кричать только камень.

Или несогласный человек, которому нельзя говорить.

Берлинская стена не просила, чтобы ее строили.

Как и каждый из нас не просил родиться.

Может я не хотела этого. Или он, или они.

Разве самоубийство звучит так, как будто я нарушила порядок жизни?

Нарушила порядок заключения в одноместной камере.

Нет нет нет

Остановите это.
Остановить эту жизнь с ее рождением.
Когда вокруг всё крушится, рушится, крошится.
Крушится, рушится, крошится.
Рушится, крошится, крушится.
Я устала, я так устала.
Я хочу быть заключена в объятия, без заключения.
Не думая о заключении и эпилоге.
Быть сшитой ниткой через пулевое отверстие. Не буду говорить “ранение”.
Можно молчать, а можно кричать.
Можно кричать, а можно молчать.
Кричи не кричи. Молчи не молчи. Молчи не кричи. Кричи не молчи.
Кричи не молчи.
Пока есть время, кричи не молчи.

IV. Человек.

ОНА

Я беру в ладони свою голову.
Я снимаю ее с плеч и трясу, трясу, трясу.
Пока не забуду все то, что знаю об этом мире.
Пока не забуду, что знаю, сколько плутония нужно, чтобы уничтожить целый город.
Пока не забуду, что знаю скорость, при которой кость человека разлетится на миллион осколков.
Пока не забуду, что знаю о том, что поля сражений - всего лишь маленькие эксперименты людей, считающих себя большими.
Пока не забуду все это.
Пока не забуду все.
А потом я вновь становлюсь ребенком.
Мне 7. И я больше не хочу видеть Берлинскую стену.
Я больше не хочу видеть ни одной стены в этом мире.
Ни одной тени. Я вижу лишь свет и счастье.
И тут, в этом времени, другом времени, обидно умирать.
А дереву не обидно.
Раньше,
Когда у человека появлялась тайна, он находил подходящее дерево,
Делал в нем отверстие и шепотом ведал тайну.
Ведал тайну лишь дереву. А после закрывал свою тайну.

И она навсегда оставалась там.
Я подхожу к дереву, делаю в нем отверстие
И рассказываю все то, что знаю.
Чтобы это навсегда осталось тайной, чтобы никто в этом мире никогда не узнал, как сделать такое оружие, которое сможет уничтожить все живое.
Я закрываю глаза, щурясь от света вокруг меня..
Открываю.
И я снова в стенах.
В серых, холодных, бетонных стенах.
Стенах, еще не простреленных пулями насквозь.
Стенах, прячущих одних от других.
Стенах, которые мы пока еще не разрушили.
Не разрушили и не разобрали на маленькие кусочки, будто антиквариат.
Останки ушедшей эпохи.
Эта эпоха еще не ушла.
Она здесь.
Я рассказала свою тайну.
Я прокричала свою тайну.
Я заткну эту дыру в стене, но никогда в себе.
И эхо моего крика будет звучать до конца времен.

Конец

